

Научная статья
УДК 343.14

ОЧЕВИДНЫЕ-НЕОЧЕВИДНЫЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ СОБИРАНИЕМ И ИССЛЕДОВАНИЕМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Россинский Сергей Борисович

Института государства и права РАН, Москва, Россия

s.rossinskiy@gmail.com

Аннотация. В статье предпринимается попытка устранения некоторых доктринальных пробелов в понимании феномена исследования уголовно-процессуальных доказательств, выявленных в ходе подготовки и защиты кандидатской диссертации одной из учениц автора. Для уяснения подлинной роли исследования доказательств проводится его сравнение с другим компонентом доказывания – собиранием доказательств. Обращается внимание, что в реальной практической деятельности исследовательские приёмы нередко предрасположены к настолько сильному слиянию с процессуально-созидательными приёмами по собиранию соответствующих доказательств, что их разграничение является достаточно сложной задачей. И в этой связи критерии для разграничения собирания и исследования доказательств предлагается усматривать в различном предназначении указанных компонентов доказывания, обуславливающих разные по смыслу, характеру и содержанию приёмы работы дознавателей, следователей, судей, других участников уголовного судопроизводства. Роль собирания доказательств предлагается усматривать в накоплении полезных для нужд доказывания предметов, документов, нематериальных сведений путём их юридического преобразования в установленные законом и пригодные к использованию информационные активы, тогда как роль исследования доказательств – в должном восприятии, изучении и анализировании таких активов.

Ключевые слова: доказательства, доказывание, исследование доказательств, проверка доказательств, следственные действия, собирание доказательств, уголовно-процессуальное познание.

Для цитирования: Россинский С. Б. Очевидные-неочевидные различия между собиранием и исследованием доказательств по уголовному делу // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2025. № 2(103). С. 270–277.

EXPLICIT–IMPLICIT DIFFERENCES BETWEEN ACCUMULATION AND MONITORING OF EVIDENCE IN A CRIMINAL CASE

Sergey B. Rossinskiy

Institute of state and law of the Russian academy of sciences, Moscow, Russia

s.rossinskiy@gmail.com

Annotation. The article attempts to eliminate some doctrinal gaps in understanding the phenomenon of monitoring evidence in a criminal case, which were identified during the preparation and defense of the candidate's dissertation of one of the author's students. To understand the true role of evidence monitoring, it is compared with another component of proof - the accumulation of evidence. It is noted that in real practical activities, monitoring

techniques are often so closely merged with procedural and creative techniques for accumulating relevant evidence that their distinction is a rather complex task. And in this regard, the criteria for distinguishing between the accumulation and monitoring of evidence are proposed to be seen in the different purposes of these components of proof, which determine the different in meaning, nature and content techniques of the police, investigators, judges, and other participants in criminal proceedings. The role of evidence accumulation is proposed to be seen in the accumulation of objects, documents, and intangible information useful for the needs of proof by means of their legal transformation into information assets established by law and suitable for use, while the role of evidence monitoring is in the proper perception, study, and analysis of such assets.

Keywords: evidence; proving; evidence monitoring; verification of evidence; investigative actions; evidence accumulation; criminal procedural knowledge.

For citation: Rossinskiy S. B. Explicit–implicit differences between accumulation and monitoring of evidence in a criminal case // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2025. № 2(103). P. 270–277.

5 декабря 2024 г. в Академии управления МВД России состоялась успешная защита кандидатской диссертации старшего преподавателя кафедры уголовного процесса Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова Айнур Маратовны Жусипбековой на тему: «Исследование доказательств в досудебном производстве по уголовному делу» по специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки, научное руководство подготовкой диссертации осуществлял автор настоящей статьи.

Эта проблематика была избрана далеко не случайно. Когда тремя годами ранее решался вопрос об избрании темы диссертации только что поступившей в адъюнктуру Академии управления МВД России сотрудницы полиции Казахстана, вполне закономерно возникла идея связать предмет её научных изысканий с уголовно-процессуальными отношениями, не предполагающими идентичность, по крайней мере, схожесть законодательного регулирования в России и на её Родине – дабы привнести в содержание работы элементы компаративистики. Причём сразу было обращено внимание на более чем подходящий для подобных «опытов» феномен исследования доказательств. Ведь если в соответствии со ст. 127 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан¹ оно (исследование) легально признаётся автономным компонентом доказывания, то в России таковым вроде бы не считается. По крайней мере исследование доказательств, будучи фрагментарно упоминаемо законодателем лишь в контексте проведения судебных заседаний, не нашло отражения ни в предусмотренной ст. 85 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации² (далее – УПК РФ / Кодекс) трёхзвенной структуре доказывания, ни в других общих положениях доказательственного права. В этой связи было решено попытаться научно доказать самостоятельный характер досудебного исследования доказательств, выявить и осмыслить его гносеологическую сущность, правовую природу, место и роль в механизмах работы органов предварительного расследования и их процессуальных «визави». Однако в тот ответственный момент ни «рвавшаяся в бой» Жусипбекова А. М., ни даже обладавший несколько бóльшим опытом и кругозором научный руководитель, то бишь автор настоящей статьи, даже не могли представить всей сложности и проблематичности избираемой темы диссертации, всех

---

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 10.03.2025).

² Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Рос. газ. 2001. № 249

трудностей и «подводных камней», с которыми пришлось столкнуться в последующие три года.

Правда ввиду исключительного упорства и целеустремлённости соискателю всё же удалось глубоко вникнуть в проблематику доказывания в целом и нюансы исследования доказательств в частности, справиться с поставленными научными задачами, подготовить и достойно защитить прекрасную диссертацию. Но отмеченные многими «причастными» коллегами неочевидность и дискуссионность целого ряда положений диссертации, их непредрасположенность к должному пониманию заставили усомниться в убедительности и «железобетонности» подобранных для их обоснования научных доводов и аргументов. А наиболее существенные вопросы и замечания были связаны с неясностью и нечёткостью позиций по поводу критериев разграничения исследования доказательств с их собиранием, проверкой и оценкой. В частности, именно такой вопрос был ожидаемо задан членом диссертационного совета, крупным специалистом в области уголовно-процессуального доказывания профессором Победкиным А. В., схожие замечания содержались в отзывах ведущей организации – Кубанского государственного университета и официального оппонента – известного учёного-процессуалиста профессора Баранова А. М., а также в некоторых отзывах, поступивших на автореферат диссертации.

По всей вероятности, подобные упреки стали следствием некоторой научной неопытности и вполне объяснимой осторожности соискателя, не сумевшего подобрать нужных слов и выражений для надлежащего обоснования выявленных закономерностей работы с доказательствами и сформулированных на их основе доктринальных положений. В конце концов, ввиду очевидной сложности избранной проблематики и самых первых, к слову, весьма смелых и уверенных шагов Жусипбековой А. М. в науке такие изъяны заслуживают достаточно снисходительного отношения. Поэтому у автора настоящей статьи возникло желание прийти на помощь к своей ученице и сказать за неё недосказанное – попытаться самому заполнить выявленные в её диссертации лакуны, привести более сильные, а может быть, и более резкие аргументы. К тому же решение данной задачи оказалось для автора не таким и сложным – за последние годы ему неоднократно доводилось писать об автономном характере исследования доказательств, рассматривать подобную деятельность в качестве полноценного компонента уголовно-процессуального доказывания. Правда, ввиду известных ограничений объёма научного произведения, подлежащего опубликованию в периодическом издании, уделить должное внимание всем нуждающимся в дополнительных разъяснениях аспектам досудебного исследования доказательств просто невозможно. В связи с чем было решено остановиться лишь на одном из таких аспектов – на критериях его (исследования) разграничения с собиранием доказательств как традиционным, признаваемым всеми компонентом доказывания. Этому вопросу и посвящена настоящая статья.

Вообще в публикациях автора об исследовании доказательств обычно говорилось как о необходимом атрибуте работы с любыми доказательственными активами, существующем наряду (!) с их собиранием, проверкой и оценкой. А предназначение исследования доказательств связывалось с сугубо познавательной деятельностью дознавателей, следователей, прокуроров, судей, прочих субъектов доказывания с улавливанием ими поступающих информационных сигналов [1, с. 26]. В чём-то схожие позиции ранее высказывались и учёными-криминалистами. Например, Белкин Р. С. соотносил познание и исследование доказательств как целое и часть, то есть считал его (исследование) разновидностью познавательной деятельности [2, с. 48]. Василенко В. П., признавая исследование одним из этапов работы с доказательствами, увязывал его с извлечением и осмыслением полезной для нужд доказывания информации [3, с. 67].

Близкие по смыслу суждения можно встретить и в других публикациях. Хотя существуют и несколько иные точки зрения, предполагающие попытки отождествления феномена исследования доказательств лишь с судебно-экспертной практикой, в первую очередь с экспертными исследованиями потенциальных вещественных доказательств [4, с. 83].

Конечно, идеи об автономности исследования доказательств, о потребности в его признании отдельным, самостоятельным компонентом уголовно-процессуального доказывания, на первый взгляд, могут показаться достаточно надуманными, не имеющими никакого смысла. По всей вероятности, именно с этим в многом были связаны адресованные Жусипбековой А. М. вопросы, в первую очередь заданный в ходе публичной защиты диссертации устный вопрос профессора Победкина А. В. Ведь установленная уже упомянутой ст. 85 УПК РФ структура доказывания, сводящаяся к хорошо известной трёхчленной формуле – «сбориание доказательств → проверка доказательств → оценка доказательств» – будто и так предполагает возможность улавливания субъектами-познавателями различных информационных сигналов, как бы «считывания» закодированных в них гносеологических посылов. Вроде бы подобные познавательные потребности вполне удовлетворимы путём собириания доказательств, а иногда – их проверки, часто выполняемой с помощью сходных с тем же собирианием когнитивно-удостоверительных приёмов.

Однако такое впечатление обманчиво. В результате обстоятельного и вдумчивого погружения в проблематику уголовно-процессуального доказывания в целом, детального изучения и анализа феноменов собириания и исследования доказательств в частности возникает убеждённость в невозможности поглощения одним (собирианием) другого (исследования) – существенные, в некотором смысле даже методологические различия между ними начинают представляться вполне очевидными. Становится ясно, что собириание доказательств надлежит отождествлять не с познанием, а лишь с накоплением дознавателями, следователями, судами либо экспертами (!) востребованных для нужд доказывания предметов, документов, нематериальных сведений путём их юридического преобразования в установленные Кодексом информационные активы, пригодные к использованию для аргументации приговоров либо других правоприменительных актов. Иными словами, собириание доказательств – это не столько про улавливание субъектами-познавателями информационных сигналов, не столько про «считывание» закодированных в них гносеологических посылов, сколько про их юридическое превращение в допустимые средства доказывания, то есть про их своеобразную процессуальную сертификацию с одновременным включением в общий массив доказательственного материала.

Правда, ввиду гносеологического многообразия подлежащих такому собирианию объектов, различных источников их происхождения оно (собириание) может осуществляться либо посредством формирования доказательств, либо посредством их приобщения к уголовному делу. Так, под формированием надо понимать осуществляемую путём производства следственных и судебных действий, судебных экспертиз (т. е. в условиях юридической формы, юридического «ритуала»), процессуальную деятельность, направленную на возникновение новых информационных активов: показаний, экспертных заключений, результатов (протоколов) невербальных следственных и судебных действий. Тогда как приобщением доказательств следует считать несколько иной юридический «ритуал» – процедуру формального признания допустимыми средствами доказывания: вещественными доказательствами, алиусными (иными) документами заключениями специалиста – предметов и документов, первоначально появляющихся за рамками уголовно-процессуальных правоотношений и лишь затем попадающих «на стол»

к следователю (дознавателю) либо в зал судебного заседания в состоянии фактической готовности к использованию по назначению.

Замысел настоящей статьи не подразумевает очередного изложения авторской позиции о дифференциации средств уголовно-процессуального доказывания на формируемые и так называемые паратусные (собираемые посредством приобщения к уголовному делу). Тем более у автора нет никаких намерений затевать очередной раунд соответствующей полемики с оппонентами – этой материи посвящены многие другие публикации. Однако хотелось бы ещё раз обратить внимание на весьма важный нюанс – на вынужденное признание некогда допущенной собственной ошибки. Ведь прежде формирование доказательств казалось чем-то предполагающим полную интеграцию улавливания субъектами-познавателями информационных сигналов, «считывания» закодированных в них гносеологических посылов с их накоплением посредством юридического преобразования в допустимые информационные активы, то есть некое слияние «когнитивности» и «ритуальности» в абсолютно неразделимую, как бы монолитную общность. Тогда как приобщение доказательств к материалам дознавательского, следственного или судебного производства (в ещё более ранних публикациях оно называлось просто собиранием доказательств) представлялось чем-то сугубо процедурно-накопительским, тотальным воплощением «ритуальности», начисто лишённым какой-либо примеси «когнитивности».

Вместе с тем в итоге дальнейших изысканий и раздумий постепенно наступило уразумение некоторой несправедливости данной точки зрения – появилось осознание потребности в её частичном пересмотре. Конечно, сами по себе следственные и судебные осмотры, допросы, эксперименты, другие предусмотренные Кодексом познавательно-направленные действия, в том числе судебные экспертизы, продолжают по-прежнему видеться имеющими достаточно сложную, интеграционную природу, позволяющими, с одной стороны, улавливать различные сигналы, «считывать» закодированные в них гносеологические послы, а с другой – одновременно преобразовать их в юридически пригодные для нужд доказывания (допустимые) информационные активы. Однако подобное слияние «когнитивности» с «ритуальностью» больше не представляется главным отличием формирования доказательств от введения предметов и документов в досудебное или судебное производство в качестве паратусных средств доказывания. Напротив, возникла уверенность, что сама по себе «когнитивность» не присуща ни формированию доказательств, ни их приобщению к уголовному делу. Другими словами, собиранию доказательств как одному из легально определённых компонентов доказывания, как начальному элементу предусмотренной ст. 85 УПК РФ трёхчленной формулы никакие детерминированные гносеологическими закономерностями восприятия, изучения, анализа полезной информации, познавательные приёмы просто не свойственны!

И формирование доказательств, и приобщение в качестве таковых к уголовному делу различных предметов и документов – это не более чем разные способы юридической сертификации накапливаемых информационных активов, сопровождаемой их признанием пригодными к использованию, то есть допустимыми средствами уголовно-процессуального доказывания. И, следовательно, критерии для дифференциации таких способов надлежит усматривать не столько в наличии/отсутствии познавательных приёмов, фрагментов «когнитивности», сколько в гносеологическом многообразии подлежащих процессуальному «освоению» сведений, в различных источниках их происхождения. Формирование нужно ассоциировать с изначально «бесформенными», хаотично запечатлёнными в объективной реальности либо человеческой памяти фрагментами ценной

информации, подлежащей превращению в показания, экспертные заключения или результаты (протоколы) следственных либо судебных действий в ходе производства соответствующих процессуально-созидательных действий: осмотров, обысков, допросов, предъявлений для опознания, судебных экспертиз и т. д., то есть путём создания, «сотворения» новых информационных продуктов. Приобщение, в свою очередь, надлежит увязывать с возникшими, в частности, созданными вне уголовно-процессуальных правоотношений и затем попадающими в распоряжение дознавателя, следователя, суда предметами либо документами, в связи с чем нуждающимися в юридической легализации, осуществляемой посредством их формального признания паратусными доказательствами и введения в общую доказательственную массу, но не в качестве когнитивного сырья либо полуфабрикатов, а в качестве находящихся в готовности к использованию изделий.

И таким образом, представляется, что подлинно познавательные приёмы, подлинные фрагменты «когнитивности», сводящиеся не к накоплению и сертификации информационных активов, а к восприятию, анализируванию, изучению ценных для нужд доказывания сведений, то есть к улавливанию субъектами-познавателями поступающих информационных сигналов, к «считыванию» закодированных в них гносеологических посылов, свойственны не столько собиранию, сколько другому необходимому компоненту работы с доказательствами – их исследованию. Именно оно (исследование), сводится к вербальной либо невербальной перцепции «следов преступления» (следов в широком смысле как любых материальных либо идеальных отражений объективной реальности). Именно оно состоит в постижении и осмыслении дознавателями, следователями, прокурорами, защитниками, судьями, другими субъектами доказывания содержания накопленных (накапливаемых) либо только предполагаемых к накоплению информационных активов, в распознавании и должном усвоении их внешних и внутренних признаков, свойств, атрибутов, к формированию на основе воспринятого контента соответствующих мысленных образов. Именно результаты исследования доказательств во многом способствуют их проверке, надлежащей оценке, обеспечивают возможность их использования по назначению.

Другое дело, что в реальной практической деятельности сугубо познавательные (читай: исследовательские) приёмы нередко предрасположены к слиянию с одновременно осуществляемыми процессуально-созидательными приёмами по накоплению (читай: собиранию) соответствующих доказательств в единые общности, предполагающие вышеупомянутую интеграцию «когнитивности» и «ритуальности». Причём особо высокой степенью смешения когнитивных улавливаний субъектами-познавателями информационных сигналов, «считываний» закодированных в них гносеологических посылов с их юридическими преобразованиями в пригодные к использованию в качестве средств доказывания информационные активы, несомненно, характеризуются следственные и судебные действия, а также судебные экспертизы. В этой связи чёткое практическое разграничение фрагментов собирания и исследования доказательств, их аккуратное «раскалывание по полочкам» является достаточно сложной задачей. И хотя теоретические критерии для такого разграничения представляются вполне понятными и очевидными, указанная задача, увы, оказалась не под силу подавляющему большинству специалистов. На сегодняшний день испытать гордость за распознавание разниц между собиранием и исследованием доказательств могут очень немногие, не обременённые стереотипами учёные, в том числе Жусипбекова А. М. [10, с. 21–22] и приглашённый в качестве официального оппонента на защиту её диссертации Конин В. В. [11, с. 188].

Резюмируя сказанное, можно с уверенностью заявить, что, несмотря на достаточно тесное переплетение фрагментов собирания и исследования доказательств

в правоприменительной практике, на сложности в выявлении и распознавании параметров для их разграничения, такие критерии всё же существуют. Они связаны с сугубо индивидуальными ролями, собственными предназначениями указанных компонентов доказывания, обуславливающими разные по смыслу, характеру и содержанию приёмы работы дознавателей, следователей, судей, других участников уголовного судопроизводства. И в этой связи поглощение исследования доказательств их сбором, равно как и наоборот, представляется невозможным.

Собирание доказательств состоит не в познании, а лишь в накоплении уполномоченными субъектами полезных для нужд доказывания предметов, документов, нематериальных сведений путём их юридического преобразования в установленные законом и пригодные к использованию по назначению (допустимые) информационные активы, то есть в своеобразной процессуальной сертификации с одновременным включением в общий массив доказательственного материала. Тогда как исследование доказательств, напротив, выполняет не процедурно-накопительскую, а именно когнитивную роль – заключается в улавливании субъектами-познавателями различных информационных сигналов, в «считывании» закодированных в них гносеологических посылов, то есть в должном восприятии, изучении и анализировании собранных либо подлежащих сбору доказательственных активов в целях их дальнейшей проверки, оценки на предмет относимости, допустимости, достоверности, а также продуктивного использования в качестве средств доказывания.

А в завершение настоящей статьи хотелось бы ещё раз обратить внимание на невозможность детального освещения в рамках сравнительно небольшого объёма журнальной публикации многих других нуждающихся в доктринальном осмыслении проблем, связанных с феноменом исследования доказательств, в том числе с его сопоставлением с проверкой доказательств как ещё одним компонентом уголовно-процессуального доказывания. На их рассмотрение и разрешение планируется направить дальнейшие научные усилия автора.

-
1. Россинский С. Б. Собирание, формирование и исследование доказательств в уголовном судопроизводстве: проблемы разграничения // Российская юстиция. 2017. № 5. С. 24–27.
  2. Белкин Р. С. Собирание, исследование и оценка доказательств. М.: Наука, 1966. 295 с.
  3. Василенко В. П. Исследование доказательств на предварительном следствии. Москва: Академия МВД СССР, 1978. 134 с.
  4. Самыгин Л. Д. Расследование преступлений как система деятельности. М.: Издательство Московского университета, 1989. 182 с.
  5. Жусипбекова А. М. Исследование доказательств как элемент доказывания по уголовному делу // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 3. С. 19–23.
  6. Конин В. В. Исследование доказательств в уголовном судопроизводстве: дискуссионные вопросы // Научный вестник орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2024. № 2 (99). С. 185–191.

1. Rossinskij S. B. Sobiranie, formirovanie i issledovanie dokazatel'stv v ugolovnom sudoproizvodstve: problemy razgranicheniya // Rossijskaya yusticiya. 2017. № 5. S. 24–27.
2. Belkin R. S. Sobiranie, issledovanie i ocenka dokazatel'stv. M.: Nauka, 1966. 295 s.
3. Vasilenko V. P. Issledovanie dokazatel'stv na predvaritel'nom sledstvii. Moskva: Akademiya MVD SSSR, 1978. 134 s.

4. Samy`gin L. D. Rassledovanie prestuplenij kak sistema deyatel`nosti. M.: Izdatel`stvo Moskovskogo universiteta, 1989. 182 s.
5. Zhusipbekova A. M. Issledovanie dokazatel`stv kak e`lement dokazy`vaniya po ugovolnomu delu // Vestnik Ural`skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 3. S. 19–23.
6. Konin V. V. Issledovanie dokazatel`stv v ugovolnom sudoproizvodstve: diskussionny`e voprosy` // Nauchny`j vestnik orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk`yanova. 2024. № 2 (99). S. 185–191.

Информация об авторе

Сергей Борисович Россинский. Главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии, доктор юридических наук, профессор. Институт государства и права Российской академии наук. 119019, Россия, Москва, ул. Знаменка, 10.

Information about the author

Sergey B. Rossinskiy. Chief researcher of the sector of criminal law, criminal procedure and criminology. Doctor of Law, Professor. Institute of state and law of the Russian academy of sciences. 119019, Russia, Moscow, Znamenka Str., 10.

Статья поступила в редакцию 01.04.2025; одобрена после рецензирования 10.05.2025; принята к публикации 17.06.2025.

The article was received in the editorial office on 01.04.2025; approved after review on 10.05.2025; accepted for publication on 17.06.2025.